

Содержание монографии Г. Е. Корнилова гораздо шире ее названия, так как основной задачей автора является исследование ограниченной тематической группы слов-IMITATИВОВ в чувашском языке (IMITATИВЫ в авторском идиолекте предлагается называть категорию слов, традиционно именуемых звукоподражаниями, образными словами, мимемами, ономотопеями), а утверждение новой методики этимологического и, шире, сравнительно-исторического исследования лексики отдаленно родственных языков. Применение этой методики, по мнению автора, позволяет проникнуть в качественно иное состояние человеческой речи, нежели современное и вообще исторически засвидетельствованное. Такую цель ставит перед собой ИМИТАТИВКА, или теория ИМИТАТИВОВ, являющаяся новым направлением в языковедении вообще и в тюркологии (еще уже — в чувашеведении) — в частности¹ (с. 182).

Структурно монография состоит из введения и трех глав. Введение (с. 8—14) представляет собой сжатое, тезисное изложение основных, исходных положений ИМИТАТИВИКИ. В эволюции человеческого языка речи постулируется прохождение каждым отдельным языком четырех качественно различных этапов: 1) доИМИТАТИВНЫЙ, 2) ИМИТАТИВНЫЙ, 3) ПОСТИМИТАТИВНЫЙ, 4) под условным названием «неизвестное будущее». Языковедение реально занимается только исследованием ПОСТИМИТАТИВНОГО этапа, т. е. оно анализирует те лексические единицы, которые являются АНТИИМИТАТИВАМИ и находятся в оппозиции к ИМИТАТИВАМ (последние представлены унаследованными в языке, хотя и не в первоначальном фонетическом облике, живыми ИМИТАТИВАМИ, а также в составе погашенных производящих корней-РАДИКОИДОВ, так что их ИМИТАТИВНАЯ природа и происхождение в ряде случаев на плоскости синхронии ощущается слабо). Реконструкция ИМИТАТИВНОГО фонда позволяет установить идентичность ОТИМИТАТИВНЫХ корней-РАДИКОИДОВ в языках, традиционно относимых к разным языковым семьям, но в период прохождения ИМИТАТИВНОГО этапа, возможно, связанных отношениями древнего родства. Здесь исследование Г. Е. Корнилова как будто соприкасается с результатами, полученными в последнее время в рамках ПОСТРАТИВНОЙ теории², но, как мы уви-

дим в дальнейшем, предлагаемые приемы генетического отождествления языковых фактов и приемы реконструкции архетипов в корне отличны от достаточно жестких и строгих методик компаративистики и ПОСТРАТИВИКИ.

Глава «Учение Н. И. Ашмарина о мимемах и теория ИМИТАТИВОВ» (с. 15—46) посвящена разбору взглядов известного тюрколога-чувашевода на звукоподражательную теорию происхождения языка, активным сторонником которой он являлся, посвятив ряд специальных работ этой теме. Н. И. Ашмарин, один из первых отечественных лингвистов специально и систематически анализировавший процесс мимесиса (подражания) в языке, выдвинул ряд принципиально важных положений, которые в целом разделяются Г. Е. Корниловым. Отметим среди них следующие: «обычные, закономерные исторические звукопереходы, известные во всех языках и являющиеся основным объектом исторической фонетики, не касаются или почти не касаются большой и значительной по объему массы ИМИТАТИВОВ» (с. 16); звуковые особенности ИМИТАТИВОВ следует описывать в рамках особой фонетики и фонологии, так как их составные элементы (в терминологии автора «идеофоны и аллоидеофоны») в отличие от фонем первоначально обладали смысловыразительной функцией (ср. анализ ИМИТАТИВА КАР: «К, передающий внезапность финала действия/состояния, процесса, движения и т. п.» (с. 8); «А-, символизирующий высшую силу, интенсивность, значительную длительность-протяженность и т. п., и -Р, указывающий на полноту завершения и исчерпания действия-процесса» (с. 9). На основе этого ИМИТАТИВА, например, сближаются литов. *kąptelėti* «схватить» и чуваш. *kar, kar, jar* «хватать, пасть» (глагол ультрагиперонового подвиза) и др.; ИМИТАТИВУ интересуют «историческая структура корня и история формирования корнеслова в конкретных семьях языков» (с. 39); существует определенная типология фонологического строения непроизводных корней-ИМИТАТИВОВ (МИМЕМ)³; анализ лексики урало-алтайских языков в аспекте мимесиса и создание сравнительного словаря ИМИТАТИВОВ могли бы стать существенным вкладом в теорию и практику этимологических исследований (в частности, для прояснения сложных лингвогенетических отношений между финно-угорскими и тюркскими язы-

¹ По крайней мере, привлекается материал именно тех шести языковых семей, которые относятся к ПОСТРАТИВИКИ.

² Н. И. Ашмаринным всего выделено 115 типов структур и рассмотрено около 1600 реализующих их МИМЕМ [1].

ками Волжско-Камско-Уральского этнолингвистического региона).

Во второй главе, посвященной названию «Обзор и опыт встречного исследования проблем имитативизма в советском языкознании» (с. 47—67), Г. Е. Корнилов развивает некоторые свои теоретические положения, а также дает критический комментарий под определенным углом зрения некоторым работам той же тематики. Ввиду того, что автор ставит одной из своих целей реконструкцию качественно иного состояния речи вообще в отличие от компаративистики, которую интересует история конкретных языков и/или группы родственных языков (см. с. 67), в данной главе он излагает свои соображения о процессе семизиса в сфере языка, названного им «лингвизацией человеческого общества». Рассуждения автора по этой проблеме, на наш взгляд, несколько априорны и не очень доказательны³. Во всяком случае, ему не удалось показать убедительно, как происходит переход от имитативного этапа к постимитативному этапу развития языка. Есть определенные сомнения в том, что это вообще возможно, если мы будем использовать чисто языковедческие методы. Необоснованны, с нашей точки зрения, и обвинения компаративистов в антиисторизме, в неправильности методики проецирования языковых фактов в плоскость единого праязыка при сравнительно-исторических исследованиях.

Большую (две трети общего объема) и основную часть рецензируемой монографии занимает глава третья «Опыт встречного исследования звукоазывающих корней с позиций чувашеведения и теории имитативов» (с. 68—180). В ней автор предпринимает, с одной стороны, реконструкцию исходных поливалентных имитативов, которые являются центрами

этимологических гнезд, образованных современными и принадлежащими разным языкам слов ономотопеитического образования (слов-имитативов). Г. Е. Корнилов в поиске типологических параллелей и генетических соответствий к тюркским и финно-угорским основам (в первую очередь рассматривается, естественно, чувашский имитативный фонд) привлекает индоевропейские (в основном, балтские, балтийские, иранские), кавказские, семитские, кетский, японский и малайский языки. Именно в этой главе демонстрируется своеобразная индивидуальная техника этимологического анализа, которая несопоставима по результатам с обычной практикой этимологических исследований. Всего подвергнуто анализу 38 этимологических гнезд, объединяющих первичные корни-имитативы⁴ и производные от них лексемы. Тем самым можно сказать, что этимологизируются не цельнооформленные слова, а рассматриваются скорее происхождение самих корней, представляющих как бы «окаменелости» первобытной глоттогонии.

В рамках данной рецензии невозможно обсудить или подвергнуть хотя бы частичной верификации конкретные этимологические решения, предлагаемые Г. Е. Корниловым. Поэтому мы ограничимся некоторыми общими соображениями.

Всем первичным корням-имитативам приписывается некая прасемантика, например, типа: дуновение (ртом); сосание; звук смеха; вздох; писк; топанье; топот; хватание; шорох; шелест; изображение скольжения и т. д. Через понятие поливалентности (иначе говоря, полисемии имитативов) даются правила вывода конкретных значений (сем) этимологизируемых лексем, причем за основу берется сходство их фонетических оболочек. Обычные звуковые корреспонденции, по мнению автора, здесь «не работают» и поэтому в каждом отдельном случае реализуются особые звукопереходы. Результатом является выстраивание ряда гомогенных лексем, принадлежащих разным языкам, разным временным периодам истории конкретного языка, но производным, согласно Г. Е. Корнилову, от одного первоначального имитатива. Так, например, только в рамках гнезда ХХХVIII (изображение скольжения) подвергаются этимологизации (назовем только некото-

³ Думается, что все дело в том, что автор несколько односторонне понимает процессы корнепроизводства, основопроизводства и словопроизводства, возводя их только к имитативам (т. е. постулируя только одну возможность образования природных именных и глагольных корней от подражаний). При этом не учитывается то обстоятельство, что любые языковые знаки прошли через неоднократные ступени переосмысления также и на основе символического отражения явлений реальной действительности, да и первоначально они могли выступать не только в виде иконических, но и «непроизводных» быть знаками-индексами и знаками-символами. См. важную в этом аспекте работу Р. Якобсона [2], где дается известная типология знаков в языке с опорой на семантическую концепцию Ч. Пирса.

⁴ Как видно из рубрикации гнезд, процесс «имесиса» (имитации) автором понимается не только как звукоподражание, а в широком смысле, как «подражание с помощью звуков объектам живой и неживой природы, а также их свойствам и качествам, событиям и явлениям» (с. 60).

рые примеры из русского языка): *слизкий, слизь, слеза, глас'голос, гладкий, глядеть, слива, глиста, глубокий, глотать, колупать, хаикнуть, колесо, колос, голова, слон, судак, пламя, павить, плеск, плавиться* и т. д. Если учесть то обстоятельство, что каждая из этих лексем (неполного списка) сравнивается, сопоставляется с предполагаемыми параллелями из чувашского, других индоевропейских, йетского, китайского, финно-угорских, тюркских и т. д. языков, то не удивительно, что общее количество привлеченных осков лишь в данном гнезде составляет свыше 300 единиц.

Методика этимологизирования, примененная при анализе конкретного языкового материала в монографии, с нашей точки зрения, может быть названа ахроничной. Мы видим здесь своего рода архитимологию, которая совершенно не учитывает реальной истории слов и определенных временных и пространственных ограничений. Потому-то упреки в антиисторизме к компаративистике (см. выше) могут быть отнесены скорее к самой теории имитативов. Г. Е. Корнилов, тем не менее, под определенным углом зрения трактует такие важные проблемы сравнительно-исторического языковедения, как историческая структура корня, процесс формирования корнеслова в естественных языках.

Вероятно, и об этом справедливо пишет в предисловии Н. А. Баскаков, мы видим в рецензируемой монографии попытку создания «принципиально нового этимологического

словаря чувашского языка», который в идеале должен логически последовательно и до конца объяснить всю его природную (незаимствованную) лексику (с. 7).

В заключение несколько слов о технико-издательском оформлении данной книги. К сожалению, книга не снабжена указателями (здесь просто необходимы индексы первичных корней имитативов, слов и осков разных языков). Библиографический аппарат также не оформлен единообразно: встречаются постраничные списки, местами источник указывается внутри авторского текста, отсутствуют выходные данные некоторых цитированных изданий. Эти недочеты делают издание «слепым» и затрудняют работу с богатым фактическим материалом, использованным автором.

В целом публикация монографии Г. Е. Корнилова свидетельствует о том, что чувашское языкознание, следуя традициям своих основоположников Н. И. Золотницкого и Н. И. Ашмарина, сохраняет интерес к постановке важных крупных проблем.

Хузангай А. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражания в чувашском языке. Казань, 1928.
2. Яковсон Р. В поисках сущности языка // Семантика. М., 1983.